

ТРАДИЦИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В МЕЩАНСКИХ ОБЩЕСТВАХ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В.В. Белослудцева

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Рассматриваются основные направления деятельности мещанских управ Пермской губернии в сфере благотворительности и социальной помощи во второй половине XIX – начале XX в.

Благотворительность в России имеет глубокие исторические корни. Она формировалась на идеях христианства, и поэтому наиболее простой и древней формой филантропической деятельности в России были раздача милостыни нищим и пожертвования в церковь. Важным источником благотворительности являлась народная традиция взаимопомощи. Как правило, любой, кто помогал попавшему в беду или нуждающемуся, давая ему работу и деньги, знал, что, оказавшись в подобной ситуации, он может рассчитывать на помощь других. В мещанской среде сострадание, помощь ближнему, раздача милостыни были безусловно распространены.

Постепенно благотворительность стала приобретать организованный характер. По инициативе сословных, в основном купеческих и мещанских организаций, отдельных лиц начинают возникать общества и заведения, оказывающие благотворительную помощь нуждающимся, чаще всего в рамках определенного сословия. Но, как пишет современник, «религиозные и нравственные мотивы, с одной стороны, и национальное самосознание, с другой, заставляли хотя бы только в исключительных случаях выходить из пределов сословного призрения и оказывать нуждающемуся помощь не только потому, что он член той или другой сословной общины, но и в виду того, что он ближний, страдающий, свой, русский»¹.

В XIX в. функции социальной помощи, закрепленные, в частности, за мещанскими общинами, были оформлены законодательно. Государство проявило внимание к малоимущим и нуждающимся членам общества и обязало сословные организации принять на себя заботу об их благосостоя-

нии. В Своде законов Российской империи 1857 г. говорилось, что сословные органы должны «смотреть... чтоб ... престарелые...и дряхлые отдавались на содержание родственникам; буде же родственников не имеют, то отсылаемы в богадельни, больницы и другие богоугодные заведения, содержимые на иждивении тех сословных обществ»². Л.В. Красовский замечает по этому поводу: «Та помощь нуждающемуся, которая не по силам его семье, - оказывается, как известно, по общему правилу общественными организациями. Попечение это может быть, с одной стороны, возложено на территориальные единицы государства... с другой стороны, помощь неимущим может быть поручена государством находящимся в его пределах чисто сословным организациям, которые, заботясь о своих членах, ничем не связаны по отношению ко всем прочим нуждающимся, даже живущим на территории сословной общины»³.

Тем не менее отношение к сословной благотворительности, зачастую основанной на принципе принудительности, было далеко не однозначным. Многие современники указывали на необходимость ее реорганизации или даже отмены, так как оказание помощи в соответствии с сословной принадлежностью противоречило основным принципам милосердия. В печати появились высказывания о том, что мещанская сословная благотворительность «ограничена и малоуспешна», а круговая ответственность мещанских обществ по уплате недоимок за лечение в больницах является «обломком минувших веков»⁴.

По нашему мнению, это не совсем соответствовало действительности. К 1901 г. мещанским общинам, которых в России насчитывалось немногим более полутора ты-

сяч, принадлежало 169 благотворительных учреждений, что составляло 6 % общего числа их в империи⁵. Они оказывали самую разнообразную помощь взрослым и детям, организуя дешевое и бесплатное обучение в школах, мастерских, классах; проживание в ночлежках, квартирах, комнатах, общежитиях; питание в столовых, чайных; трудоустройство в рабочих домах, рукодельнях; лечебную помощь в больницах, амбулаториях, врачебных пунктах.

Средства благотворительных обществ складывались из взносов и пожертвований; поступлений по займам, процентным бумагам; сборов от проведения увеселений, базаров и лотерей; доходов от недвижимости; доходов от заведений, принадлежащих обществу, а также прочих сборов и поступлений. Все они находились «в ведении» комиссии по разбору и призрению нищих при местном тюремном комитете⁶.

Регулярную помощь нуждающимся могли оказывать немногие мещанские общины. Нередко призрение «ограничивалось оказанием помощи непосредственной натурой: подачей хлеба и размещением в домах односельчан»⁷. Размеры денежных пособий бедным мещанам были незначительны, а «сооружение сословных приютов и богаделен было очень редким явлением»⁸. Например, в Пермской губернии за период с 1895 по 1900 г. лишь восемь мещанских обществ (Пермское, Алапаевское, Екатеринбургское, Кунгурское, Осинское, Оханское, Шадринское и Долматовское) выдавали пособия беднякам. Общая сумма пособий составляла 1216 руб. 72 коп. Три общества (Пермское, Екатеринбургское и Соликамское) содержали сословные благотворительные и учебные заведения, израсходовав на это 1800 руб. И лишь одно Верхотурское мещанское общество выделяло средства – 285 руб. – на содержание сиротского суда⁹.

В XIX – начале XX в. в каждом губернском и уездном городе действовало одно или несколько богоугодных заведений (богадельни, приюты, ночлежные дома). Общественная богадельня в Перми была открыта 1 января 1873 г. Для ее размещения были приобретены дом и два деревянных флигеля, принадлежащих мещанскому обществу. Имущество было уступлено городу под здание богадельни вместе с землей и надворными постройками. Первоначально

она была рассчитана на 50 человек и получила название Александровской (в честь царствования императора Александра II). В народе богадельню чаще всего именовали «мещанской», так как большинство призреваемых в ней составляли представители именно этого сословия. По постановлению Думы в общественную богадельню «причислялись лишь лица бедные, не имеющие родственников, по преимуществу из мещанского и купеческого сословий, как женщины, так и мужчины»¹⁰.

Первым попечителем богадельни был избран гласный Думы Ф.К. Каменский. В 1879 г. под его руководством была построена небольшая деревянная церковь, прачечная и баня. Спустя шесть лет уже благодаря его брату - Г.К.Каменскому - на территории богадельни был сооружен большой каменный одноэтажный корпус, в котором была устроена новая церковь на 200 человек. Здание старой церкви было приспособлено для мужского отделения. Поэтому с 1886 г. появилась возможность увеличить количество призреваемых до 125. В 1895 г. продолжатель династии благотворителей - А.Г. Каменский - построил новый каменный одноэтажный корпус вместо деревянного флигеля, в котором помещались кухня, людская дворянская (на 3 - 4 кровати), чайная и квартира надзирательницы. Через два года был возведен еще один деревянный одноэтажный корпус для «неопрятных и вольных» (на 30 кроватей) и вместо призреваемых ветхих служб были построены новые. В 1904 г. усердием попечителя А.Г.Каменского каменный одноэтажный корпус был перестроен в двухэтажный. К этому времени в богадельне содержалось уже до 160 человек, причем ежегодно это число увеличивалось¹¹.

Значительная часть средств богадельни расходовалась на питание призреваемых. По смете на 1905 г. столовое содержание 175 человек (50 мужчин и 125 женщин) оценивалось в 3038 руб. 31 коп. Помимо расходов на питание особой статьей выделялись расходы на одежду и обувь. На их покупку в 1905 г. планировалось истратить 885 руб. 16 коп. Каждому мужчине в год полагалось по 2 ситцевые рубашки, по 2 пары кальсон, по 1 летнему и зимнему халату, по паре кожаных полусапог; женщинам – по 1 ситцевому платью, по 1 бязевой рубашке, по паре

кожаных ботинок¹².

Согласно В.С. Верхоланцеву, в 1909 г. «содержание богадельни стоило 9360 руб., в том числе 6175 руб. от города, 1445 из запасного капитала и 1200 руб. от мещанского общества»¹³.

Для многих бедных мещан и мещанок богадельня была последней надеждой и последним пристанищем. Хотя, по мнению одного из современников, «в богадельню попадают только те, за кого просят барыни, у кого родственница какая-нибудь живет у богатой купчихи в няньках, за кого попросит батюшку какой-нибудь прихожанин... Вот потому то истинные нищие и блуждают по улицам, а дармоеды, способные работать, живут в богадельнях»¹⁴. Автору не встретились архивные материалы, подтверждающие данное высказывание. Напротив, обнаружено большое количество писем, поступавших в мещанские управы и содержащих трогательные истории жизни и просьбы о помещении в богадельню. Все письма очень внимательно читались, завелась переписка с больницей, с полицейским управлением, только после этого выносилось решение. Например, в 1904 г. мещанская жена Анисья Евдокимовна Васильева просила о помещении ее на прикрытие в общественную богадельню. «Просительница Васильева от роду имела 62 года, состояния крайне бедного, муж ее Алексей Васильев прикрывается в общественной богадельне, хотя она и имеет еще 2-х сыновей: Петра 38 л. и Семена 25 л., но старший из них по недостаточности средств содержать мать свою не может, а младший находится в военной службе...»¹⁵. В 1905 г. пермский мещанин Яков Михайлов Голощاپов ходатайствует о помещении его на прикрытие в общественную богадельню. «Проситель Голощاپов от роду имеет 52 г., по болезням (паралич) добывать себе пропитание не может, родственников, могущих обеспечить его существование не имеет, т.к. два его сына Егор 29 л. и Александр 20 л. люди малообеспеченные...»¹⁶. В января 1908 г. поступило прошение от пермского мещанина И.И. Борисова. В нем говорилось, что «имея 60 лет от роду я с 19 лет занимался в качестве служащего на пароходах или же в чайных, столовых и ресторанах, при исполнении таковых обязанностей я положительно потерял свою трудоспособность, ибо едва

хожу, потерял зрение. Принимая во внимание, что каждый общественник должен в крайности воспользоваться спокойным помещением - богадельней, а потому покорнейше прошу Вас, милостивый государь, сделать представление в пермскую мещанскую управу, чтобы я был принят в мещанскую богадельню, находящуюся против Александровской больницы...»¹⁷. По данному прошению было проведено дознание, по результатам которого заявлено, что «имущества Борисов недвижимого не имеет, которое могло бы приносить доход для пропитания, родственников и детей Борисов не имеет, которые могли бы пропитывать его»¹⁸, поэтому принимается решение о призрении его в общественную богадельню.

В Кунгуре в 1881 г. была открыта городская общественная богадельня, получившая название «Зыряновская». Она содержалась на проценты с капитала в размере 113 334 руб. 3 ¼ коп., пожертвованного мещанином Е.С. Зыряновым и другими мещанами для призрения беднейших престарелых и увечных жителей г. Кунгура, преимущественно мещан. Этот процент ежегодно составлял 500-600 руб. В 1890 г. в богадельне проживало 83 человека, в том числе 30 мужчин и 53 женщины. На их содержание было израсходовано 5173 руб. 46 коп.¹⁹

В Чердыни богадельня существовала на средства почетного гражданина купца 1-й гильдии Г.М. Лунегова и помещалась в каменном двухэтажном здании в центре города, специально для нее построенном. Она состояла из спального корпуса с прачечной, которые были объединены кирпичной оградой с проездными каменными воротами в усадьбу²⁰. В 1903 г. в богадельне призревало 24 человека, из них 13 мещан²¹, в 1907 г. - 20 человек, большинство которых также составляли представители мещанства²². В 1903 г. на содержание богадельни поступила сумма, оставшаяся с 1902 г., - 7 руб. 93 коп., процент с капитала в 25000 руб., пожертвованный Лунеговым, - 831 руб. 24 коп., и средства кружечного сбора - 88 коп. Всего - 1211 руб. 51 коп. Содержание призреваемых обходилось в 17 коп., питание - в 4 коп. в сутки²³.

Чердынские мещане, как и прочие, активно писали письма в городскую управу с просьбами «о причислении их в богадель-

ню». Например, при Чердынском полицейском управлении «в силу крайней необходимости» проживал турецкоподданный Бедрос Кевейка Агань оглы, выдворенный в июне 1912 г. на жительство в г. Чердынь и причисленный к обществу мещан г. Чердыни. Ввиду его преклонных лет, расстроенного здоровья и неимением средств к жизни и убежища высказывалась покорнейшая просьба поместить Кевейка в Чердынскую мужскую богадельню²⁴. Еще одно прошение о призрении в городскую богадельню (от уездной управы) – по поводу мещанина г. Чердыни Федора Дмитриева Сторожева 72 лет, который находился в больнице, но «в больничном лечении не нуждается, как страдающий старческим маразмом»²⁵. Мещанка Чердыни А.И. Парашина, проживавшая ранее в селе Ленве Соликамского уезда, самостоятельно составила прошение, в котором говорилось о том, что «уже пять лет прошло с тех пор, как я живу вдали от родины, на чужбине, не имея никаких средств к существованию и добывая насущный хлеб тем, что живу у своей дочери (замужней). Но она от дальнейшего моего проживания отказывается и вскоре я останусь без крова и куска насущного хлеба. Жить в услужении я не могу, так как прожив т.о. полгода я заболела, в настоящее время не могу исполнять никакой работы. Теперь мне уже минуло 63 года. А потому на основании вышеизложенного имею честь покорнейше просить городскую управу назначить мне какое-нибудь содержание, на которое я могла бы пропитываться...»²⁶. Городская управа, как правило, положительно решала вопросы такого рода. Если свободных мест в богадельне не было, то мещане зачислялись в кандидаты в нее и при первой возможности в богадельню принимались. Кандидаты обычно получали небольшое денежное содержание, позволяющее им прожить до помещения в богадельню. Например, упомянутой Парашиной было назначено содержание 2 руб. в месяц²⁷. В 1897 г. сумма денежных пособий, выданных бедным мещанам Чердыни комитетом по разбору и призрению нищих, составила 224 руб. 20 коп. Пособия получали 17 человек²⁸.

Довольно обременительной статьёй расходов для мещанских обществ была плата за лечение и содержание неимущих чле-

нов обществ в больницах. Данная статья расходов была предусмотрена законодательством и, соответственно, являлась обязательной для мещанских общин.

В Свода законов Российской империи, изданном в 1892 г. (т.13, ст.200) говорилось, что «плата за пользование в больницах неимущих больных, принадлежащих к обществам, взывается с тех обществ, ведению которых принадлежат призремые». Причем в законе никакого изъятия не сделано в отношении лиц, которые относились к мещанскому сословию без согласия обществ. То обстоятельство, что какое-либо лицо причислялось к мещанам без согласия общества, «не снимало с него общей, лежащей на всех податных обществах, обязанности призывать вновь приписавшихся, в случае надобности, наравне с прочими своими членами, так как закон в этом отношении не постановляет никакого различия»²⁹.

Неимущие больные, которые по каким-либо причинам не могли воспользоваться правом бесплатного лечения, имели право получить бесплатно лекарственные препараты. Эти расходы также брало на себя общество. В примечании к статье 204 упомянутого закона указывалось, что «приходящие в больницы приказов неимущие больные для получения лекарств обязаны предоставить о себе письменные удостоверения полицейских по месту их жительства чиновников о звании и неимуществе своем и о числе содержимого ими семейства»³⁰.

Закон обязывал городские и сельские сословные общества вносить больничную плату, хотя и по льготному исчислению, как недоимку, числящуюся на члене общества. Исполнение данной повинности обеспечивалось круговой порукой. При этом сословные общества были лишены права контролировать указанную область. По отзыву современника, «больные поступали на лечение независимо от согласия на то их обществ и содержались в лечебном заведении столько времени, сколько считалось врачами необходимо; а затем обществу представлялись счета за лечение больного, если оказывалось, что ни он, ни его семья не в состоянии внести больничной платы»³¹.

Беднейшей части мещан такая система принудительного медицинского «страхования», основанная не на личной обязан-

ности и заинтересованности, а на круговой поруке внутри общины, была выгодна, так как они могли постоянно рассчитывать на бесплатное лечение. Но данная статья расходов, безусловно, была обременительна для общин и невыгодна для медицинских учреждений. Известны случаи, когда «к мещанскому обществу, еле-еле сводящему концы с концами при годовом бюджете рублей в четыреста, сразу предъявляли требование об уплате денег за лечение какого-то его члена, давно уже порвавшего с родным городом и успевшего накопить недоимку свыше полторы тысячи рублей»³². Понятно, что выполнение такого требования было не под силу обществу. Некоторые общины ввиду плохого поступления денег в кассу и чрезмерно высокой стоимости лечения не могли своевременно оплатить предъявляемые им больничные счета, и их задолженность накапливалась годами³³. В лучшем случае долг отдавался после долгой переписки, когда уже успевали накопить новые счета. Например, пермское мещанское общество только в марте 1902 г. рассматривало вопрос об оплате лечения мещан в Александровской больнице в 1896–1897 гг.³⁴

Представители мещанства составляли значительную часть лиц, находящихся на лечении в пермской губернской Александровской больнице. Согласно ведомости амбулаторных больных за 1904–1908 гг. лиц мещанского сословия лечилось в 1904 г. – 10392 человек (19,32%), 1905 – 10010 (18,39%), 1906 – 10618 (17,39%), 1907 – 10759 (16,3%), 1908 – 10614³⁵. Стоимость содержания больных непрерывно росла. В 1894 г. содержание одного больного в Александровской больнице Перми обходилось в 90 коп. в сутки. Для мещан и крестьян суточная плата за лечение оставалась такой же, хотя для других категорий населения она составляла 30 коп. И только в 1897 г. плата за лечение жителей других губерний и иностранных подданных была повышена до 60 коп. Для духовенства, дворян и чиновников, получающих жалованье более 300 руб. в год, плата была прежней – 30 коп.³⁶ Содержание больных в уездных больницах обходилось дешевле, так, за лечение в Соликамской земской больнице в 1898 г. необходимо было уплатить 15 коп. в сутки³⁷.

Больничные счета собирались мещанскими старостами в течение года, и при составлении очередной сметы в нее закладывалась сумма долга. Например, в 1902 г. в пермском мещанском обществе она составила 1165 руб. 65 коп. за лечение в Александровской больнице, 13 руб. 37 коп. – в иногородних³⁸. Чердынские мещане в 1902 г. на содержание и лечение мещан в иногородних больницах выделили 22 руб. 60 коп.³⁹, в 1904 г. – 25 руб.⁴⁰ Екатеринбургское мещанское общество в 1905 г. заплатило за лечение в иногородних больницах 60 руб., в местной больнице – 450 руб.⁴¹, а в 1911 г. предложено было сократить расходы по статье «лечение в больницах» с 87 до 65 руб.⁴²

Из отчетов следует, что «в 1885 г. Чердынская уездная земская управа уплатила за лечение в пермской земской Александровской больнице в прошлом 1885 г. лиц, принадлежащих к чердынскому мещанскому сословию: Я.Е. Осьмушина за 181 день, Н.С. Головина за 9 дней, Е.Ф. Истомина за 30 дней, Н.Я. Валуева за 2 дня, С. Малкова за 10 дней; мещанок Р.Н. Пименовой за 64 дня, М.Д. Гороховой за 4 дня, Е.А. Миковой за 3 дня; приписанных к мещанам: жены отставного рядового М.В. Шаньшеровой за 25 дней, отставного фельдфебеля И.А. Габова за 21 день и уволенного матроса С.М. Красильникова за 7 дней. Всего за 356 дней по 6 коп. за каждый – 213 руб. 60 коп. и за погребения умерших: мещанина Я.Е. Осьмушина 3 руб. 75 коп. и жены отставного рядового М.В. Шаньшеровой 3 руб. и того 6 руб. 75 коп., всего же уплачено 220 руб. 35 коп.»⁴³.

Для рассмотрения больничных списков и выявлением по ним уровня платежеспособности общинников мещанским обществом избиралась специальная комиссия. Если мещанин или его родственники оказывались не в состоянии самостоятельно оплатить счет, что специально проверялось, то он покрывался из сумм общественного сбора, с состоятельных граждан производилось личное взыскание.

Так, в конце 1887 г. в пермскую мещанскую управу поступило прошение от мещанина г. Перми П.И. Ярославцева, в котором он просил уплатить Пермской губернской земской управе 7 руб.20 коп., тре-

буемые с него за лечение в 1887 г. После специальной проверки выяснилось, что «П.И. Ярославцев был причислен в пермские мещане в 1865 году и в 1871 году, по достижении 18-летнего возраста был обложен податями. Таковые платит до сего времени. На его иждивении находятся жена и четверо малолетних детей, средства Ярославцева весьма ограничены (получает 35 руб. жалованья на службе в конторе главных мастерских). Принимая во внимание все обстоятельства и исправность платежей П.И. Ярославцевым общественных повинностей, мещане постановили уплатить 7 руб. 20 коп. со счета общественной кассы»⁴⁴.

Не всегда представлялось возможным предъявить счет об уплате тому или иному лицу; нередко мещане переезжали на новое место жительства, не поставив об этом в известность органы. Так, в соликамской земской больнице с 6 по 14 июля 1898 г. состоял на излечении чердынский мещанин Я.В. Федулов 66 лет, за лечение которого следовало уплатить 1 руб. 20 коп. В обращении в мещанскую управу говорилось, что по данным полиции Федулов проживает в Соликамске, и выражалась просьба взыскать с него указанную сумму. Но в ходе проверки оказалось, что Федулова в Соликамске нет⁴⁵. Место его нового проживания оставалось неизвестным, поэтому счет за его лечение был предъявлен мещанскому обществу. Вместе с тем встречались случаи добросовестных выплат. В том же году рассматривалось дело о взыскании 11 руб. 40 коп. за лечение чердынской мещанской девицы А.Ф. Черемисиновой в городской больнице Нижнего Новгорода. После долгой переписки было получено согласие на постепенное погашение долга в течение года («буду ежемесячно к 12 числу высылать по 2 руб. чердынскому мещанскому старосте») ⁴⁶.

Такое принудительное медицинское страхование просуществовало в России до 1911 г. Юридически оно могло быть отменено гораздо раньше, после публикации 5 октября 1906 г. императорского указа, отменявшего с начала 1907 г. круговую поруку в общинах и разрешавшего мещанам свободное проживание вне мест приписки, а также получение бессрочных паспортов в любом полицейском управлении. Но если

выдача бессрочных паспортов полицейскими органами началась практически сразу после издания данного указа, то разъяснение к той его части, где говорилось об отмене круговой поруки, запоздало почти на пять лет. Наконец, 28 января 1911 г. Сенат вынес решение о незаконности в принципе требования от мещанских общин платы за лечение их членов. В марте этот сенатский указ был циркулярно распространен МВД по всем губерниям и городам империи⁴⁷.

Важной стороной социальной помощи, оказываемой мещанским обществом, являлась финансовая составляющая. В архивах мещанских управ и старост сохранилось достаточное количество писем и прошений, направленных различными благотворительными заведениями и обществами. Все они однотипны: описание деятельности той или иной организации на благо общества неизменно заканчивалось просьбой о помощи. Например, в письме Петро-Павловского церковно-приходского попечительства, датированном декабрем 1903 г. и адресованном пермской мещанской управе, говорилось: «...содержимые Петро-Павловским попечительством учреждения – приходская школа, бесплатная народная библиотека, читальня и ремесленное училище – значительной частью служат интересам пермских мещан ... По данным прилагаемого при сем отчета за 1902 г. видно, что в числе 118 учеников школы 27 человек – дети пермских мещан ... в столярном училище из девяти учеников, состоящих сейчас в школе, пятеро дети мещан. Так как вышеуказанные образовательные учреждения требуют от попечительства немалых расходов ... совет попечительства имеет честь просить пермскую мещанскую управу не отказать в ассигновании денежного пособия на нужды попечительства до 100 руб.»⁴⁸.

На протяжении многих лет мещанское общество помогало Градо-Пермскому Рождество-Богородицкому попечительству. В 1903 г. указанное заведение имело честь «убедительно просить управу возбудить ходатайство перед мещанским собранием о назначении ежегодной постоянной субсидии на содержание столовой в количестве от 100 до 200 руб.»⁴⁹. В прошении разъяснялось, что большая часть посетителей этой столовой - наиболее бедные мещане и кре-

стьяне, в том числе учащиеся торговой школы, технического училища и народного училища, где учатся преимущественно мещанские и крестьянские дети. В столовой можно было очень дешево пообедать. К примеру, «похлебка скоромная и постная стоила 5 коп., каша из проса и гречи – 6 коп., жареное скоромное (2 котлеты) – 15 коп., жареное постное (рыба) – 18 коп.... стакан чаю – 2 коп., молока – 3 коп., белый хлеб за фунт – 5 коп. ... обед за особым столом из миски в 1 ½ тарелки – 15 коп., благотворительный обед (из 2-х блюд) – 16 коп.»⁵⁰. В 1913 г. столовая продолжала существовать и вновь сообщала управе о том, что «в текущем году жизнь столовой протекает при весьма неблагоприятных условиях ... главная основная причина этого грустного явления заключается ... в вздорожании всех пищевых продуктов ... Несмотря на свое печальное положение, столовая все-таки не отказывает в отпуске пищи как бесплатно, так и за пониженную плату местной бедноте... В виду вышеизложенного совет попечительства позволяет себе надеяться, что пермская мещанская управа, ознакомившись с печальным материальным положением столовой, не откажет ей в денежной помощи»⁵¹. Через год попечительство вновь просит управу о помощи. В этот раз – для содержания рукодельно-ремесленного класса, поясняя, что «большой % учащихся ... составляют дети мещан г. Перми»⁵². В основном это были дети ремесленников, мелких служащих, прислуги, торговцев, т.е. лиц, составлявших основу мещанского сословия.

Помимо финансирования благотворительных организаций мещанские общества оказывали посильную помощь местным учебным и культурным заведениям. Например, учреждали стипендии для учащихся. Так, на собрании пермского мещанского общества 20 января 1911 г. обсуждался доклад мещанской управы о замещении стипендии имени И.И. Любимова в пермской гимназии. Заранее в «Пермских губернских ведомостях» было объявлено о том, что «стипендия в 1910 и 1911 гг. остается свободной, причем предложено лицам, желающим воспользоваться стипендией, заявить управе письменно, с представлением сведений о поведении и успехах учащегося, для которого просится стипендия, после

чего поступили заявления от П.И. Наумова и Д.А. Шлыгина, которые просили назначить стипендиатом каждый своего сына»⁵³. Рассмотрев просьбы, собрание постановило предоставить стипендию сыну мещанина П.И. Наумова, ученику 3-го класса гимназии, до завершения им образования в гимназии, но при условии, что «это лицо будет заслуживать стипендию по успехам и поведению»⁵⁴.

Мещанское общество г. Перми имело еще один фонд, средства которого шли на учреждение стипендии для учащихся Пермского реального училища. В 1911 г. он был переименован в «Фонд памяти 19 февраля 1861 г.», из его средств выплачивалась «стипендия сыну мещанина для получения образования в одном из средних учебных заведений г. Перми». Ежегодно на пополнение этого фонда из средств мещанского общества выделялось 100 руб.⁵⁵

В течение нескольких лет мещанское общество помогало Екатерино-Петровскому городскому четырехклассному училищу. В нем обучалось до 250 человек – детей беднейших мещан г. Перми, на их содержание направлялось 160 руб. в год. С 1904 г. плата за обучение возросла с 8 до 10 руб. и управа была вынуждена отпускать по этой статье уже 250 руб.⁵⁶

Таким образом, мещане Перми ежегодно выделяли значительные суммы на благотворительность и социальную помощь. Иногда эти отчисления составляли до четверти бюджетных средств. Например, в 1910 г. мещанской управой г. Перми предполагалось израсходовать 6890 руб. на разные нужды, в том числе 1650 руб. (24%) потратить на благотворительность⁵⁷.

Подобные расходы предусматривались и в других городах губернии. К примеру, в 1905 г. мещане г. Екатеринбург планировали выделить на помощь комитету по призрению нищих 400 руб., на экстренную помощь бедным – 30, комитету благотворительного общества – 50, церковно-приходскому попечительству о бедных прихода Екатеринбургского собора – 20, на учение беднейших детей – 50, субсидию художественно-промышленной школе – 200. Таким образом, 750 руб. (общая сумма бюджета - 6487 руб.) мещанское общество предполагало потратить на нужды образования и помощь бедным⁵⁸.

Если в нищете оказывались сами члены управы, в частности, после выхода на пенсию, по болезни, то община также старалась не оставить их без внимания. Например, пермская мещанская управа назначила пожизненное ежегодное пособие в размере 400 руб. своему старейшему работнику – помощнику старосты, а затем письмоводителю И.Ф. Каменскому, прослужившему в управе 32 года. После его смерти, пособие в размере 120 рублей продолжали выплачивать его жене, оставшейся, по ее словам, «без средств к существованию»⁵⁹.

Патриотический подъем в стране в связи с началом военных действий в 1904 и 1914 гг. охватил и мещанские общества. На общих собраниях проводились молебны, составлялись многочисленные телеграммы на имя императора с выражением «верноподданных чувств безграничной любви и преданности и готовности на всякие жертвы для защиты Престола и Отечества»⁶⁰. Среди мещан были объявлены денежные сборы для армии, флота и Красного Креста. В феврале 1904 г. мещане Перми, «движимые патриотическим чувством и желанием оказать посильную помощь общественному делу в войне с Японией», пожертвовали из общественного капитала на военные нужды 3 тыс. руб., из них 2 тыс. руб. - на усиление российского флота, 500 руб. - в пользу российского Красного Креста, 500 руб. - на пособие бедным семьям воинов, принадлежащих к сословию мещан г. Перми и «действующих на поле брани на Дальнем Востоке»⁶¹. В 1914 г. мещанская управа Перми вновь выделила на нужды военного времени 1500 руб. В бюджете на 1915 г. были предусмотрены «240 руб. на содержание койки имени Мещанского общества для раненых воинов в городском лазарете; 300 руб. на пособия Комитету по заготовке белья и теплой одежды для воинов; 300 руб. городскому комитету на выдачу пособий семействам призванных запасных нижних чинов и ратников ополчения 1 разряда; 300 руб. на пособия населению Польши и Галиции; 300 руб. населению Сербии и Черногории, пострадавшему от военных действий»⁶². Для покрытия непредвиденных расходов общественный сбор с мещан был увеличен с 1 руб. 50 коп. до 1 руб. 70 коп.

Екатеринбургские мещане в русско-

японскую войну пожертвовали около 10 тыс. руб.⁶³ В 1914 г. они постановили: в связи с нуждами войны собрать со всех способных к платежу членов мещанского общества по 50 коп. «Не дожидаясь поступления всей суммы от 50 коп. обложения, ассигновать 1500 руб. со следующим их распределением: 500 руб. на военно-санитарные нужды; 100 руб. правительству Бельгии; 100 руб. правительству Черногории; 100 руб. правительству Сербии; 25 руб. в распоряжение императорского пожарного общества, также на нужды войны; 200 руб. в распоряжение екатеринбургского городского комитета для выдачи пособия семьям ушедших на войну; 300 руб. на содержание 2-х коек для раненых в екатеринбургском лазарете Уральских горных заводов; 100 руб. на покупку чая, сахара, табака для действующей армии; 25 руб. на ясли для солдатских семейств в Екатеринбурге; 50 руб. на канцелярские типографские принадлежности»⁶⁴. Из бюджета общества на 1914 г. видно, что в этом году пожертвования мещан на благотворительные дела и военные нужды достигла 1740 руб. 26 коп. Расходы «на военные нужды» в 1915 г. составила 991 руб. 55 коп.⁶⁵

Неурожайные и голодные годы были для мещан не менее тяжелым испытанием. Чтобы как-то оградить сословие от их последствий, правительство в первой половине XIX в. обязало общины создавать продовольственные капиталы, объявляя ежегодные сборы среди мещан для их учреждения и увеличения. В 1866 г. сборы были отменены, а накопленные капиталы переданы на хранение общинам. Через два года из-за несанкционированных операций с этими капиталами мещанским общинам высочайшим повелением предписали перевести их в уездные земские управы, а с 1900 г. – в городские управы⁶⁶. Продовольственные капиталы выдавались общинам в виде денежных ссуд с условием возврата исключительно для закупа хлеба (муки или зерна). Такие займы в общинах назывались «хлебными операциями». В Уставе о народном продовольствии говорилось, что «сословные продовольственные капиталы, назначенные исключительно на предметы продовольствия, не могут быть обращаемы ни на какое другое употребление, кроме заимообразных пособий нуждающимся членам тех

обществ, которым принадлежат капиталы, на продовольствие или обсеменение полей. Равномерно и проценты с этих капиталов»⁶⁷.

Определение порядка закупки и распределения хлеба, выделения средств на это и т.п. входило в компетенцию общественных собраний. Так, в 1907 г. ввиду «недорода в Екатеринбургском и соседних с ним уездах цены на хлеб вообще и на муку в частности день ото дня страшно росли и угрожали впоследствии стать чудовищными... Цены эти, помимо недорода поднимались искусственно еще и скупщиками, спекулирующими за границей». На собрании в октябре этого года мещанский староста высказал мнение о том, что «в скором времени бедный класс городского населения будет поставлен дороговизной в ужасное положение, из которого надо искать выхода, хотя бы созданием противовеса искусственному повышению цен»⁶⁸. Мещанская управа г. Екатеринбурга предложила использовать часть продовольственного капитала, хранящегося в Екатеринбургской городской управе в процентных бумагах, и тем самым ограничить повышение цен. На эти средства управа предполагала заблаговременно заготовить муку, которую потом планировала отпускать «беднейшим своим членам по ценам, ниже существующих»⁶⁹. Наряду с заготовкой зерна обсуждался вопрос о заготовке дров на мещанский капитал «в связи с невероятным вздуванием цен» с целью дальнейшей продажи общинникам на льготных условиях⁷⁰.

Таким образом, мещанское самоуправление в конце XIX – начале XX в. продолжало играть заметную роль в жизни больших и малых городов губернии в целом и в жизни своих обществ в частности. В Пермской губернии благотворительность осуществлялась в основном за счет средств общественных организаций, купечества и мещанства. Конечно, деньги мещанских обществ, выделяемые зачастую из совсем скромных бюджетов, не могли идти в сравнение с филантропической деятельностью купечества, тем не менее они были важны. Финансовая помощь, выражаемая в форме целевых пожертвований, взносов, шедших на открытие и поддержание новых благотворительных обществ и заведений, на учреждение именных стипендий, безусловно,

способствовала частичному снижению социальной напряженности в губернии и имела положительный отклик в обществе. Несмотря на трудности, самой главной из которых был недостаток средств, на постепенную утрату сословных привилегий, мещанское общество продолжало выполнять свои функции, наиболее востребованной из которых была функция благотворительной и социальной помощи.

Примечания

¹ Красовский Л.В. Одна из повинностей мещанских обществ // Труд. помощь. 1912. № 1. С. 2.

² Каплуновский А.П. Мещанская община // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н.Зорин, Н.В.Зорин, А.П. Каплуновский и др. Ульяновск, 2000. С. 390.

³ Красовский Л.В. Указ. соч. С.2.

⁴ См. например: Сборник сведений по общественной благотворительности. СПб., 1880–1886. Т. 1-7; Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907; Красовский Л.В. Указ. соч.

⁵ Каплуновский А.П. Указ.соч. С. 391.

⁶ Анкаримова Е.Ю. Сословные корпорации в городах Урала (конец XIX – начало XX в.). Екатеринбург, 2004. С. 42.

⁷ Красовский Л.В. Указ. соч. С. 4.

⁸ Там же. С.5.

⁹ Анкаримова Е.Ю. Указ. соч. С. 35.

¹⁰ Государственный архив Пермской области (далее ГАПО). Ф. 35, оп.1, д. 146, л. 153, 153 об.

¹¹ Там же. Л. 155

¹² Там же. Ф. 35, оп.1, д.146, л.4.

¹³ Верхоланцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1994. С. 154.

¹⁴ Прыжов И.Г. История кабаков в России. М., 1992. С. 302.

¹⁵ ГАПО. Ф. 35, оп.1., д.146, л.7.

¹⁶ Там же. Л. 9.

¹⁷ Там же. Ф. 141, оп.1, д.90, л.3.

¹⁸ Там же. Л.3 об.

¹⁹ Всеподданнейший отчет начальника Пермской губернии за 1885 г. // Рос. гос. ист. архив. Библиотека. Оп.1, д.66, л.9.

²⁰ Памятники архитектуры, истории, искусства Чердыни и Чердынского района. Чердынь, 1997. С. 26.

²¹ Чердынский краеведческий музей (далее ЧКМ). Фонд док. матер. Оп.2, д. 1203, л. 248.

²² Там же. Д. 1741, л.345.

²³ Там же. Д.1203, л. 248.

²⁴ Там же. Д. 2105, л.3.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 38.

²⁷ Там же. Л.40.

²⁸ Там же Д. 1117, л.146 об.

²⁹ Мыш М.И. О мещанских и ремесленных управлениях: сб. узаконений, правительственных и судебных разъяснений. СПб., 1896. С. 317.

³⁰ Там же. С. 320.

³¹ Красовский Л.В. Указ. соч. С.3.

³² Там же. С. 13.

³³ См. например: *Каплуновский А.П.* Указ. соч. С. 388; Урал. край. 1911. 19 янв.

³⁴ ГАПО. Ф. 141, оп. 1, д.71, л.6.

³⁵ Там же. Ф.35, оп.1, д.133, л.46.

³⁶ Там же. Л. 54.

³⁷ ЧКМ. Оп.1, д.1470, л.18.

³⁸ ГАПО. Ф. 141, оп.1, д.75, л.4.

³⁹ ЧКМ. Оп.2, д. 1470, л.18.

⁴⁰ Там же. Оп.1, д. 1667, л.30.

⁴¹ Урал. жизнь. 1905. 24 янв.

⁴² Урал. край. 1911. 1 янв.

⁴³ ЧКМ. Оп.2, д. 1203, л. 46, 46 об.

⁴⁴ ГАПО. Ф. 141, оп.1, д. 90, л. 62, 63, 66.

⁴⁵ ЧКМ. Оп.2, д. 1470, л. 18-20.

⁴⁶ Там же. Л. 36-42.

⁴⁷ *Каплуновский А.П.* Указ. соч. С. 389.

⁴⁸ ГАПО. Ф. 141, оп.1, д.71, л.53.

⁴⁹ Там же. Л.54.

⁵⁰ Там же. Л.58.

⁵¹ Там же. Л.60.

⁵² Там же. Л.61.

⁵³ Там же. Д. 86, л.66.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. Л. 71.

⁵⁶ Там же. Ф.141, оп.1, д.71. л. 47.

⁵⁷ Там же. Ф.141, оп.1, д.86, л.47, 47 об.

⁵⁸ Урал. жизнь. 1905. 24 янв.

⁵⁹ ГАПО. Ф. 141, оп. 1, д. 71, л. 34.

⁶⁰ Там же. Л.77.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. Д.20, л. 19-20; Д. 82, л. 1, 1 об.

⁶³ Урал. жизнь. 1914. 22 окт.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ *Анкаримова Е.Ю.* Указ. соч. С.56.

⁶⁶ *Мыш М.И.* Указ. соч. С. 313.

⁶⁷ Там же. С. 312.

⁶⁸ Урал. жизнь. 1907. 13 окт.

⁶⁹ Там же. 1907. 28 окт.

⁷⁰ Там же. 1914. 22 окт.

TRADITIONS OF CHARITY AND SOCIAL HELP IN LOWER MIDDLE CLASS COMMUNITIES OF PERM PROVINCE IN THE SECOND HALF OF 19TH – BEGINNING OF 20TH CENTURY

V.V. Byelosludtseva

Perm State University, 614990, Perm, Bukireva, 15

Main trends of lower middle class authorities activity in the sphere of charity and social help are being analyzed.